

УДК 398.22(=512.37)
DOI 10.25587/SVFU.2023.96.54.007

Ц. Б. Селеева

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ В СТРУКТУРЕ СЮЖЕТА «О ТОМ, КАК СЛАВНЫЙ ДЖАНГАР ВПЕРВЫЕ СРАЗИЛСЯ С САНАЛОМ»

Аннотация. Актуальность продиктована тем, что вопросы сюжетной типологии национальных версий эпоса «Джангар» все еще остаются недостаточно изученными. Новизной является изучение сюжетной структуры и типологических схождений сюжетов собственно синьцзян-ойратской версии «Джангара» в контексте калмыцкой версии. Целью и задачами исследования ставятся рассмотрение структуры и содержания эпического сюжета в его повествовательном изложении и выявление типологических сходств составных элементов сюжета синьцзян-ойратской версии «Джангара» сказителя Рампила «О том, как славный Джангар впервые сразился с Саналом». Сравнительно-типологический анализ проводился в последовательном рассмотрении структуры эпического сюжета (экспозиция, мотивировка, завязка, кульминация, развязка) на содержательном уровне и в аналогии с калмыцким эпосом. Исследование основано на комплексном подходе, включающем сравнительно-типологический, структурно-типологический, структурно-семантический методы. Синтез подходов с учетом концепций В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, С. Ю. Неклюдова позволяют сочетать анализ структуры эпического сюжета, семантики его составных элементов в типологическом соотношении. В результате работы установлено, что экспозиция типологически сходна с зачинами эпических сказаний монгольских народов и калмыцкой богатырской сказкой, в которой событийное время профанно и совпадает с биографическим временем (молодостью героя), а эпическое пространство гиперболизировано и архаично (восемь тысяч восемьсот миров); мотивировка и завязка в сюжете выражены типовыми эпическими ситуациями характерными для сказки и эпоса, где героям свойственно поведение с соблюдением определённых эпических канонов – наблюдение за приближающимся богатырем, принятие боевого настроя, соблюдение ритуала приветствия при встрече; кульминация сюжета, заключенная в центральном событии героического эпоса – богатырском поединке, состоит из разных этапов, на каждом из которых обнаруживаются типологические параллели с калмыцким эпосом; развязка, нехарактерная для сюжетов о воинских коллизиях, обусловлена спецификой повествования, рассказывающего о более ранних временах, когда между будущим сюзереном и его богатырями-вассалами шло противостояние; также в развязке обнаруживаются прямые типологические схождения эпизодов и мотивов с калмыцким эпосом. Таким образом, значительные типологические схождения сюжета синьцзян-ойратской версии с калмыцким эпосом и богатырской сказкой отмечены как на сюжетно-композиционном уровне, так и на содержательном уровне (повествовательные сюжетные элементы, эпические ситуации, мотивы и формулы), что дает основание говорить о генетических корнях, восходящих к монгольским эпическим традициям.

Ключевые слова: эпос «Джангар»; эпический сюжет; синьцзян-ойратская версия; калмыцкая версия; типология сюжета; элементы структуры сюжета; монгольская эпическая общность; эпические ситуации; эпическое повествование; эпический мотив.

Благодарности: Статья выполнена в рамках НИР Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова.

СЕЛЕЕВА Цаган Бадмаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научного отдела Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия. ORCID: 0000-0002-3285-3038.

E-mail: tsagana007@mai.ru

SELEEVA Tsagan Badmaevna — Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Research Department, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia. ORCID: 0000-0002-3285-3038.

E-mail: tsagana007@mail.ru

Ts. B. Seleva

B. B. Gorodovikov Kalmyk State University

Typological relationships in the structure of the plot “On the first fight of the glorious Jangar with Sanal”

Abstract. The relevance is dictated by the fact that the issues of plot typology of the national versions of the epic *Jangar* are still insufficiently studied. The study of the plot structure and typological similarities of the plots of the Xinjiang-Oirat version of *Jangar* in the context of the Kalmyk version is a novelty. The aim and objectives of the study are to examine the structure and content of the epic story in its narrative presentation, to reveal the typological similarities of the constituent elements of the plot of the Sinjiang-Oirat version of *Jangar* by the narrator Rampil “On the first fight of the glorious Jangar with Sanal”. The comparative-typological analysis was carried out in the sequential consideration of the structure of the epic plot (exposition, motivation, plot twist, culmination, denouement) at the content level and in analogy with the Kalmyk epic. The research is based on a complex approach including comparative-typological, structural-typological, structural-semantic methods of study. The synthesis of approaches taking into account the concepts of Vladimir Propp, Boris Putilov, Sergey Neklyudov allow us to combine the analysis of the epic story structure and semantics of its constituent elements in a typological correlation. As a result of the work it was established that the exposition is typologically similar to the beginnings of epic tales of Mongolian peoples and Kalmyk bogatyr tale, in which the event time is profane and coincides with the biographical time (the hero’s youth), and the epic space is hyperbolized and archaic (eight thousand eight hundred worlds); the motivation and the beginning of the plot are expressed by typical epic situations characteristic of fairy tales and epics, where the heroes behave in accordance with certain epic canons – watching the approaching hero, adopting a fighting attitude, the ritual of greeting at the meeting; the culmination of the plot, which is the central event of the heroic epic – the bogatyr’s duel, consisting of different stages, each of which reveals typological parallels with the Kalmyk epic; the denouement, uncharacteristic for stories about military collisions, is due to the specificity of the narrative, which tells about earlier times, when there was a confrontation between the future suzerain and his bogatyrs-vassals; the denouement also reveals direct typological similarities of episodes and motifs with the Kalmyk epic. Thus, significant typological similarities of the plot of the Xinjiang-Oirat version with the Kalmyk epic and the bogatyr tale are noted both at the plot-compositional level and at the content level (narrative plot elements, epic situations, motifs and formulas), which gives grounds to speak about genetic roots going back to Mongolian epic traditions.

Keywords: Jangar epic; epic plot; Xinjiang-Oirat version; Kalmyk version; plot typology; elements of plot structure; Mongolian epic community; epic situations; epic narrative; epic motif.

Acknowledgments: The article was carried out within the framework of the research work of the B. B. Gorodovikov Kalmyk State University.

Введение

Значительная близость всех известных сейчас монголоязычных эпических традиций, по мнению С. Ю. Неклюдова, позволяет выдвинуть гипотезу о существовании некогда в Центральной Азии монгольской эпической общности, распавшейся впоследствии на ряд ветвей. Эта связь между традициями и по сей день весьма ощутима [1, с. 80]. Ввиду этого интересным на наш взгляд является изучение сюжетной структуры и типологических схождений сюжетов собственно синьцзян-ойратской версии «Джангара» в контексте калмыцкой версии, поскольку версии имеют центральноазиатское происхождение, общие древние мифологические корни, а народы (калмыки России и ойраты Китая) составляли единый этнос в историческом прошлом (1609–1771 гг.).

Типологические схождения калмыцкого «Джангара» с ойрат-монгольскими эпическими сказаниями впервые отметил Б. Я. Владимирцов [2]. Вопросам типологии мифологических образов и мотивов в эпосе монгольских народов, а также особенностям калмыцкой и монгольской версий «Джангара», посвящены работы Г. И. Михайлова [3]. Существенные наблюдения и плодотворные выводы С. Ю. Неклюдова охватывают сферу типологии монгольской и центрально-

азиатской эпической общности: «Сюжетно-тематическое единообразие монгольского повествовательного фольклора очевидно» [1, с. 80]; «Богатырская биография является “ядерной” повествовательной формацией центральноазиатского эпоса» [1, с. 263].

В работе А. Ш. Кичикова «Героический эпос “Джангар”». Сравнительно-типологическое исследование памятника» [4] рассмотрены национальные и локальные версии эпоса, выявлены и проанализированы его архаические истоки, прослежена эволюция, изучены проблемы исторического соотношения национальных версий, вопросы поэтики и стилистики жанра. Сравнительно-типологическим особенностям сюжетов и мотивов калмыцкой версии посвящены работы Э. Б. Овалова, Т. Г. Борджановой, Б. Б. Манджиевой, Д. В. Убушиевой [5; 6; 7; 8]. Эпической поэтике и типологии национальных версий «Джангара» посвящены работы Н. Ц. Биткеева [9]. Посредством констант Е. Э. Хабуновой разрабатывается типология эпической традиции монгольских народов [10]. Типология тем и мотивов как составных элементов эпических сюжетов цикла Ээлян Овла калмыцкого «Джангара» и синьцзян-ойратской версии рассматривается в исследовании Ц. Б. Селеевой [11].

Вопросы сюжетной типологии эпоса монгольских народов и национальных версий эпоса «Джангар» все еще остаются недостаточно изученными. Одной из проблем является то, что большинство эпических текстов синьцзян-ойратской версии «Джангар» не введены в научный оборот, поскольку отсутствуют переводы текстов на русский язык. В нашей статье рассматривается структура эпического сюжета в его повествовательном изложении (экспозиция, мотивировка, завязка, кульминация, развязка), а также типологическое сходство составных и содержательных элементов сюжета синьцзян-ойратской версии «Джангара» сказителя Рампила «О том, как славный Джангар впервые сразился с Саналом» [12, с. 117–124] с сюжетами калмыцкой версии цикла Ээлян Овла [13]. Изложение и перевод содержания сюжета синьцзян-ойратской версии осуществлены автором статьи.

Сюжет синьцзян-ойратской версии «О том, как славный Джангар впервые сразился с Саналом» относится к сюжетам, освещающим более ранний этап эпической биографии героя Джангара, когда между будущим сюзереном и его богатырями-вассалами шло противостояние. Он отражает исторический период формирования ранних кочевых сообществ, возникновения постоянных конкурентных отношений и жестоких конфликтов между представителями степной аристократии.

Экспозиция – Эпический фон и отлучка героя

Героико-эпические сказания тюрко-монгольских народов начинаются с описания пространственно-временного фона, на котором разворачивается эпическое действие. Сходство зачинов свидетельствует об общих культурно-исторических корнях и архаичности их содержания. Сюжет синьцзян-ойратского эпоса начинается с зачина близкого эпическим сказаниям монгольских народов и калмыцким богатырским сказкам, где «космический универсум представляется совершенным и гармоничным, зло вообще не присутствует в нем, а богатырь является гарантом этого гармонического состояния» [14, с. 41]. «В пору молодости славный Джангар, оседлав скакуна Аранзала Зеерде, восемь тысяч восемьсот миров объезжал» [12, с. 119]. Аналогичный эпизод встречаем в другом сюжете синьцзян-ойратской версии «О битве Алтан Чэджи со славным Джангаром»: «Шигширги для избавления от возможных [своих] врагов, грядущих опасностей и угроз, восемь тысяч восемьсот миров изучая, пешком [их] обошел» [11, с. 228]. Такого содержания зачин характерен для калмыцкой богатырской сказки, когда герой отлучается из дома, чтобы поохотиться и развеять молодецкую удаль.

В калмыцком эпосе, в его более ранних сюжетах, в прологе описывается кочевое величие Бумбайской державы, а в более поздних зачин посвящен описанию пира в ставке правителя Джангар-хана. Зачин содержит обозначение биографического времени героя – «пора молодости славного Джангара», а также пространства – «восемь тысяч восемьсот миров», являющегося гиперболизированным, архаическим, фольклорно-мифологическим представлением о простран-

ственной вселенной эпического героя. В некоторых сюжетах калмыцкого и синьцзян-ойратского «Джангара» под влиянием буддийской мифологии вселенский масштаб владений правителя Джангара включает материк Замбутив из буддийской космологии, обозначающий всю землю. В его более реалистичном квазиисторическом выражении в калмыцком эпосе – пространство Джангара включает сорок два ханства по четырем сторонам света. Событийное время в зачине рассматриваемого сюжета профанно и соотносится с биографическим временем – молодым возрастом героя-Джангара. В калмыцкой богатырской сказке повествование также довольно часто посвящено деяниям героя-богатыря в молодости. Эстетика эпоса в молодости героя видит народный идеал храброго, мужественного, благородного, справедливого и непобедимого воина, отличающегося недюжинной физической силой и ловкостью, энергией, смелостью и бесстрашием, готового к самопожертвованию, ратным подвигам и славе. В прологе калмыцкого цикла Ээлян Овла и зачине некоторых глав синьцзянской версии «эпическое событийное время» сакрально и мифологично, оно определяется как эпоха первотворения, заря мироздания.

Мотивировка – Надвигающаяся угроза в лице противника

Началом развития сюжета служит «мотивировка», предваряющая развитие основных эпических событий, заключающаяся в типической ситуации, связанной с надвигающейся угрозой в лице противника: «Въехал он как-то перед полуднем на белую пустынную песчаную холмистую равнину и вдали увидел поднятую могучим конем до небес пыль. Тут же десять белых пальцев славного Джангара сжались в кулак, зрочки в глазницах завертелись, грозными черными глазами внимательно присмотрелся – навстречу ему ехал неопикуемой мощи и красоты лев-богатырь» [12, с. 119].

В калмыцком эпосе и богатырской сказке герой обычно предстает один в пространственном локусе, где с холмистой возвышенности издали замечает поднятую до небес пыль и наблюдает за приближающимся незнакомцем: «Санал нойон увидел поднявшийся до небес приближающийся тонкий столб красной пыли, решил: видно, эта пыль поднята конем Тяжелорукого Савара Кюрюнга» [11, с. 222]. Поднятый до небес столб пыли является приметой могучего коня и такого же наездника-богатыря. Ожидая встречи с приближающимся богатырем, герой Джангар принимает боевой настрой – как было описано выше – сжал пальцы в кулак, «зрочки в глазницах завертелись», взгляд стал грозным. Подобный настрой герою калмыцкой версии свойственен перед поединком с противником: «[Мингъян] испил семьдесят один раз подряд арзу из широкой желтой чаши, что подносят семьдесят человек, вернулся назад и сел на свое место. Горячее сердце [Мингъяна] забилося в груди, глазницами черных глаз беркута он поворачивал двенадцать раз, десять белых пальцев его сжались в кулак, двенадцать отваг стали грудь его расpirать» [11, с. 202].

Присмотревшись, герой Джангар видит приближающегося льва-богатыря неопикуемой мощи и красоты. В архаических эпических сказаниях в противоположность идеализированному облику героя-богатыря, исполненного силы и красоты, противники часто имеют облик *мангуса* – многоголового, одноглазого, с антропоморфными чертами чудовища. В рассматриваемом сюжете подчеркивается равенство сил и мощи противников, в некоторых случаях противник может превосходить героя, обладать сверхъестественной силой.

Завязка – Встреча богатырей

Ключевым событием в эпическом сюжете о героических коллизиях является встреча богатырей. Встреча богатырей относится к типовой эпической ситуации, где героям свойственно поведение с соблюдением определённых эпических канонов. «Герои в своем поведении, во взаимоотношениях в известных ситуациях, в реакции на чужие поступки и слова руководствуются словно бы заданными условиями “игры”» [15, с. 44]. Встретившись, по обычаю, принятому у монгольских народов, богатыри вначале спрашивают друг друга о родоплеменной принадлежности, демонстрируя при этом свое недружелюбное отношение: «На скакуне Буурал Галзане к нему приблизился сын Булингира Свирепый Санал богатырь и спросил Джангара, откуда он и

куда держит путь, словно заблудший буйвол, словно вольная стрела, с огнем в лице, с блеском в глазах, где его родная Бумбайская держава, как имя его, и кто его родители. Славный Джангар ответил, что он потомок Тякил Зула-хана, внук Тангсак Бумбы-хана, сын славного Узюнг-хана, в поколении одинокий нойон Джангар, владеющий страной Ара Бумбой. И поинтересовался, откуда и куда держит путь путник, с грудью обожженной солнцем, с обветренной спиной, в каких землях его родные кочевья, и кто он есть сам. Свирепый Санал сказал, что кочевья его расположены на берегу океана Авху Балгад, в долине горы Шикер Тавцанг, он сын Булингира Свирепый Санал» [12, с. 119–120]. Следует отметить, что сообщенная героем Джангаром и богатырем Свирепым Саналом информация о предках и себе, о своем статусе и владениях носит типологический характер для национальных версий.

В диалоге богатыри выражают недоброжелательное отношение к друг другу посредством метких иносказательных выражений, ставших устойчивыми для сказочно-эпической традиции монгольских народов: «словно заблудший буйвол, словно вольная стрела», «с огнем в лице, с блеском в глазах», «с грудью обожженной солнцем, с обветренной спиной».

Путник оказывается в большей мере соперником, но не враждебно настроенным противником, что наглядно подтверждается его предложением герою испытать силу и резвость их скакунов: «Заметив, что, видно, юноша рожден сильным и крепким богатырем, предложил Джангару испытать силу и резвость их скакунов. Будучи молодым, славный Джангар не испытывал чувства страха и стеснения и сразу же согласился» [12, с. 120]. Для эпоса и сказки типична ситуация, когда избыток исполинской энергии побуждает героя к поискам встреч с враждебно настроенным противником, с которым он ищет повод помериться силами, причем такие поиски основываются на уверенности в своей силе и непобедимости. Характерно и то, что эпический конфликт, зародившийся в диалоге двух богатырей, сопровождается дерзким поведением, скрежетом зубов, рычанием, проявлением недовольства, раздражения, гнева и бахвальством, переходит в прямое столкновение в богатырском поединке и завершается расправой победителя над побежденным.

Кульминация – Богатырский поединок

Центральным и кульминационным событием в сюжете «воинского эпоса» является богатырский поединок, соответствующий основной эпической цели – героическому подвигу богатыря. Герой архаического эпоса и богатырской сказки вступает в противоборство с внешним врагом и совершает подвиг в интересах своей семьи, рода и племени. В отличие от семейно-родовых приоритетов героический эпос оперирует национальными масштабами, здесь герой вступает в единоборство с иноплеменным захватчиком как защитник своего народа и страны. В эпических сказаниях, описывающих эпоху развитого воинского культа, богатырский поединок случается и с целью воинского посвятельного ритуала-испытания, то есть инициации, практикуемой в архаических обществах. В рассматриваемом нами сюжете богатырский поединок происходит по обоюдному намерению богатырей испытать собственную силу и отвагу.

Вызов и предложение Джангару сразиться исходит от богатыря Санала в иносказательной форме – «испытать силу и резвость их скакунов». В одном из сюжетов калмыцкого эпоса в иносказательной метафорической форме богатырь Тёгя Бюс предлагает Хонгору «поиграть под лучами солнца». Местом поединка обычно служит пустынное, безлюдное и безжизненное пространство.

Описываемый эпический поединок по форме и тактике боя состоит из нескольких этапов: конный бой, бой на дистанции с применением метательного оружия и ближний бой с применением клинкового оружия. Исходя из этого можно судить о комплексе вооружения воинов-богатырей, состоящего из кинжала, меча, лука и колчана со стрелами. В зависимости от тактики ведения боя они состязаются как наездники и «рукопашники», лучники и мечники.

Начало поединка знаменуется схваткой всадников на конях: «Скакуны Аранзал Зеерде и Буурал Галзан с расстояния двенадцати сажений помчались рысью навстречу друг другу,

столкнувшись, богатыри, сидя на конях, стали тягаться, сила и мощь у богатырей была в избытке, восемь копыт их скакунов спутались так, что они уселись по-собачьи и ржали» [12, с. 120]. В калмыцком эпосе аналогичный эпизод описан следующим образом: «[Тёгя Бюс с Хонгором] схватились на всем скаку и десятью белыми пальцами тянули друг друга, восемь конских копыт скрестились, но не мог один другого стащить с коня» [11, с. 204]. Борьба на лошадях с целью сбросить соперника с седла требует от богатырей большой физической силы, сноровки и умелого владения конем. Данный вид борьбы распространен у тюрко-монгольских номадов как состязание мужских игрищ.

После того, как один другого не мог стащить с коня, а копыта коней спутались, Свирепый Санал предложил не мучить травоядных животных, а помериться в поединке лезвиями стальных оружий, то есть богатыри продолжили поединок верхом на конях, но теперь испытывалось их умелое и искусное владение клинковым оружием. В калмыцкой богатырской сказке и эпосе богатыри решают не мучить травоядных животных, а помериться силой «плеч и лопаток», что от родителей им даны, то есть вступить в рукопашный бой.

Следующий этап поединка, его активная фаза – схватка богатырей, сидя верхом на конях и на полном скаку, с применением короткоклинкового и клинкового оружия ближнего боя (кинжала и меча), а также дистанционного боя с использованием лука и стрел, где демонстрируется искусство и мастерство владения богатырями каждым из видов оружия: «Вытянули они висевшие на боку кинжалы, с обухом из серебряной стали, с лезвием из неокрепшей стали, в ладони правой руки сжали так крепко, что закапала кровь, на полном скаку сошлись в схватке, скрестив кинжалы, что лезвия кинжалов на три пальца сломались и притупились» [12, с. 120]. Степень накала поединка богатырей такова, что лезвия кинжалов ломаются и притупляются.

Затем после ближнего боя, оставив кинжалы, взяв висевшие на локте золотые желто-пестрые луки, богатыри перешли к дистанционному бою: «С расстояния, что можно преодолеть за полдень, стали стрелять друг в друга, стрелы вонзались в могучие груди богатырей, стальные наконечники стрел ломались и падали» [12, с. 120–121]. Эпичность поединка передается гиперболическим изображением дальности дистанции, с которой богатыри пускают стрелы друг в друга. В калмыцком эпосе нойон Алтан Чееджи с расстояния переправы трех рек, выстрелив из лука стрелой, смертельно поражает юного Джангара. Стрельба богатырей из лука во время поединка встречается довольно часто в калмыцкой сказке и эпосе, когда конные лучники расстреливают друг друга в поединке с дальних и ближних дистанций: «[Богатырь Тёгя Бюс] выстрелил, хотя [Алтан Шарге] удалось изловчиться и уйти от [противника], но [стрела] насквозь пробила четыре черных копыта коня» [11, с. 201].

Сразившись луками, богатыри на равных продолжили сражаться мечами на ближней дистанции: «Славный Джангар вынул свой двенадцатисаженный желто-пестрый искусный меч, – если без промаха им рубил, то грозного *мангаса* владения разом уничтожал, если промахивался, десяти сторон вражескую нечисть уничтожал. Свирепый Санал вынул светло-желтой стали меч, пропитанный змеиным ядом, крепко сжал рукоять в ладони правой руки так, что закапал древесный сок, развернувшись, стал рубиться [с Джангаром]» [12, с. 121]. Отмечается особое свойство боевого меча Джангара, который в его искусных руках рубит без промаха и наповал, а меч соперника пропитан опасным змеиным ядом. Ожесточенный и яростный настрой битвы передается тем, что Свирепый Санал сжал рукоять меча так, что закапал древесный сок. В калмыцком сюжете, описывающем богатырский поединок с мечами, богатырям присуще чудесное свойство неуязвимости: «[Тёгя Бюс с Хонгором, вступив в схватку,] огрубевшими черными плетями стали бить друг друга, затем острыми желтыми мечами от темени до копчика хотя и рубили друг друга, но вслед за лезвиями мечей тела их снова срастались» [11, с. 204].

Преимущество в бое достигается не только искусным владением воином оружия, но и ловкостью и изворотливостью коня, которые не позволяют лезвию оружия коснуться хозяина: «Ловкий Буурал Галзан скакун таков, что даже если его настигнет стотысячный табун, уйдет

от погони, и не даст коснуться хозяина лезвием оружия. Вверх восемнадцать тысяч раз подпрыгнул, вниз восемнадцать тысяч раз прыгнул [скакун], острия меча славного Джангара не дал коснуться Свирепому Саналу» [12, с. 121]. Данный эпизод носит константный характер для мотива богатырского поединка в сказочно-эпической традиции: «Буурал Галзан от крика хозяина, припадая к земле, взбрыкнул восемнадцать тысяч раз, подпрыгивая вверх, взбрыкнул восемнадцать тысяч раз, и пять тысяч копий сразу высыпались/в из его груди, вонзившиеся в лопатки пять тысяч копий выпали все, и на проворном прекрасном Буурале своем он погнал табун» [11, с. 221].

Поединок равных соперников завершается тогда, когда изнуренные богатыри не в силах продолжить бой, но при этом преимущество одерживает из соперников тот, кто с меньшим количеством ран вышел из битвы, и чей конь оказался проворнее. Преимущество оказывается на стороне богатыря Санала, поскольку славному Джангару он нанес пятнадцать смертельных ран, иных неисчислимо количество, а его Буурал Галзан оказался проворнее Аранзала Зеерде. В сюжете «О Мангна-хане» калмыцкой версии мудрец Алтан Чееджи рассказывают историю о битве Узюнг-хана с грозным Мангна-ханом, в которой преимущество было за антагонистом, поскольку отец Джангара получил три сотни смертельных ран и еле живым вырвался из той битвы, а Мангна-хан вышел из сражения и выглядел более крепким. Как правило, сказочному и эпическому герою не свойственно проигрывать поединок, проиграв, он затем берет реванш и в следующем поединке одерживает верх.

Схватка богатырей изначально не имела целью расправу над побежденным соперником или его пленение. Поверженный герой Джангар негласно признает превосходство богатыря Санала. Раненого героя конь Аранзал Зеерде спасает и увозит с поля брани: «Потомственный в семи поколениях, закаленный в сражениях Аранзал Зеерде славного Джангара помчал на гору Эрклютин Мёнген Цаган. Славный Джангар обнял шею Аранзала Зеерде, в правую сторону едва не свалился, конь подставил правый бок, в левую сторону едва не свалился, левым боком заботливо поддержал хозяина, вперед чуть не свалился, гривой поддержал, назад едва не свалился, крупом своим поддерживая, спасая славного Джангара, умчался» [12, с. 121–122]. Завершающий эпизод мотива богатырского поединка, описывающий как конь увозит едва живого богатыря после поединка, также находит аналогии в калмыцком эпосе: «Теряющий сознание [Хонгор] чуть было не упал, но прекрасный Аранзал Зеерде [не дав ему упасть,] ускакал» [11, с. 208]; «Санал, холку своего коня Буурала обхватив, в безлюдную голую белую степь стремительно умчался» [11, с. 216]. Героический характер, сила и отвага придают герою решимости вступить в поединок с богатырем-соперником, но иногда герой терпит и поражение в поединке, поскольку противник по силе и мощи превосходит его. «Переоценка собственных сил в сочетании с огромной энергией, смелостью и т. п. иногда приводит богатыря к борьбе с таким противником, с каким он не может справиться (и это одна из предпосылок богоборчества богатырей)» [16, с. 341].

Развязка – Предвидение богатырем великого будущего героя и примирение с ним

Развязка в эпическом сюжете о воинских коллизиях обычно посвящена завершению поединка, расправе над побежденным противником или его пленением. Плененный и поверженный богатырь подчиняется требованиям побежденной стороны о выплате дани и принятии подданства. Развязка в рассматриваемом сюжете обусловлена его содержанием, рассказывающим о более ранних временах, когда между будущим сюзереном и его богатырями-вассалами шло противостояние, до прихода к власти Джангара и объединения в могущественную Бумбайскую державу.

Посмотрев внимательно вслед Джангару, Свирепый Санал проницательным мудрым внутренним взором узрел его будущую судьбу великого хана-правителя, полководца дружины отважных львов-богатырей, которому суждено прославиться подвигами и осчастливить свой народ: «Сын Булингира Свирепый Санал, сев боком на Буурал Галзана, из кармана драгоценного черного бешмета светлый платок вынул, грозные черные глаза свои два-три раза протер и

внимательно посмотрел вслед славному Джангару. Он узрел то, что не описать словами, – когда [Джангар] станет зрелым, окрепнет силой и мощью, воздвигнет свой десятиярусный, девятицветный злато-пестрый дворец, за арзой на пир соберет восемь тысяч богатырей, исполина Алого Хонгора рядом с собой посадит, в дальних краях о нем разойдется молва, в ближних землях явится сам, – пятимиллионный народ владыки Ширки будет с ним жить вечно в счастье и благоденствии. Таким ему показался хан нойон Джангар, – рожденный в начальное драгоценное время, когда зарождалась вера в бурханов, рожденный, когда воды внешнего океана бурлили с внешней стороны, рожденный, когда волшебное сандаловое дерево было молодым, рожденный с выпуклым масляным темно-красным родимым пятном на правой лопатке, что размером со ступню двухгодовалого верблюжонка, наделенный властью и харизмой от Небесного Владыки, рожденный с благословением от хана Тенгрия» [12, с. 123].

Исключительность и избранность судьбы Джангара заключена в сакрализации, связывающей его с первопредком, родившимся на заре мироздания, во времена первотворения. Биографическое время рождения Джангара эпос относит к мифологическому времени космогонического творения, передаваемого через архетипические образы буддийской картины мира: время зарождения веры бурханов, когда воды внешнего океана бурлили с внешней стороны, когда волшебное сандаловое дерево было молодым. Необычное происхождение Джангара подтверждает и особая отметина – выпуклое масляное темно-красное родимое пятно на правой лопатке, что размером со ступню двухгодовалого верблюжонка. Такая родинка, именуемая родинкой Бодхисаттвы, традиционно у ойрат-монголов считается приметой будущей счастливой судьбы человека. Но самым важным объяснением великой судьбы Джангара как правителя является его рождение с благословением от хана Тенгрия, наделенность властью и харизмой от Небесного Владыки. Формирование идеи единого верховного божества у тюркских и монгольских народов в лице Тенгри было теснейшим образом связано с утверждением единохаганства, как единый хаган должен управлять на земле, единое божество должно верховодить на небесах. Нет сомнения, что культ хагана и культ Тенгри были неразрывно взаимосвязаны и взаимообусловлены, что находит отражение в синьцзян-ойратском эпосе.

Описанный эпизод типологически имеет прямое сходжение с эпизодом сюжета «О битве Мингъяна с Кюрмен-ханом» калмыцкого эпоса, когда богатырь Мингъян поведал историю о противостоянии с Джангаром в давние времена. В течение трех недель бились они, так и не сумев победить друг друга. Тогда же Мингъян внимательным и проницательным взором узрел, что Джангару суждено владеть всем миром, поэтому он последовал за ним, оставив свои владения и тысячи подданных.

Несмотря на конфликтность сложившейся ситуации, богатырь Санал, движимый благородным порывом, в котором находят проявление его добродетельный характер, снисходительность, ум и мудрость, незамедлительно последовал за Джангаром, чтобы рассказать о его будущем. Догнав, поведал о том, что Джангар воздвигнет свой злато-пестрый дворец, на пир соберет восемь тысяч богатырей, исполина Алого Хонгора рядом с собой посадит, грозных черных мангасов десяти сторон света подчинит, взяв прежде с них клятву [верности] и станет владыкой пятимиллионного кочевья Ширки. В то время, когда в дальних краях о нем будет слышна молва, а в ближних землях он явится, тогда он, Свирепый Санал, сын Булингира, владеющий скакуном Буурал Галзаном, среди богатырей правой стороны воссядет. Так, богатырь Санал демонстрирует свою решимость и готовность в будущем стать ближайшим богатырем-сподвижником и принять вассалитет Джангара-сюзерена. Сюжет завершается примирением и доброжелательным расставанием богатырей: «Свирепый Санал, произнеся прекрасные, как лотос благопожелания, пожелав славному Джангару счастливого пути, направился домой. Произнеся [в ответ] прекрасные, как лотос благопожелания, славный Джангар отправился домой» [12, с. 124].

В калмыцком «Джангаре» в сюжете «О битве Алтана Чееджи со славным Джангаром» обнаруживаем типологическое сходжение эпизода развязки, когда мудрец Алтан Чееджи на совете

союзников рассказал о великом предназначении юного Джангара. Предшествовавшее этому выживание Джангара является главным условием последующего признания его авторитетными представителями степной аристократии – Бёке Мёнген Шигширги и Алтаном Чееджи, в статусе будущего вождя, верховного правителя. Мирное разрешение конфликта обусловлено политическими интересами всех участвующих в нем сторон. Несмотря на сложные конфликтные отношения, в развязке сюжета рассматриваемой главы «Джангара» представлена картина полной эпической гармонии, когда антиподы становятся союзниками героя и представляют тройственный союз представителей степной аристократии. Собранным союзникам (Джангару, Хонгору и Бёке Мёнген Шигширги) мудрец Алтан Чееджи пророчески поведал о великом предназначении Джангара, что этот юнец – потомок Тякил Зула-хана, внук Тангсак Бумба-хана, славного Узюнг-хана сын, в своем поколении одинокий Джангар. Когда ему исполнится семь лет, многих врагов из нижнего мира он победит, и распространится молва о его славном имени. В это время надо будет передать ему владения и скот, вручить в руки правление и веру. Обращаясь к Бёке Мёнген Шигширги, сказал, что в том славном возрасте Джангар, за арзой восемь тысяч богатырей собрав, подчинив себе [владельца] десяти сторон света, неумного Хара Мангаса, воздвигнув девятицветный, десятиярусный, золотой, желтопестрый дворец, станет правителем пяти-миллионного кочевья владыки Ширки. Когда [в поисках суженой] он достигнет владений ханов четырех материков, четыреста тысяч миров посетит, пусть пожалуют ему в жены Ага Шавдал, дочь Номо Тёгес-хана, проживающего на юго-востоке. Нойон пророчествовал, что Джангар установит мир в Бумбайской стране и будет пребывать в прекрасном благополучии. В то время главой правой стороны богатырей Джангара воссядет он, Богатый Ясновидец Алтан Чэджи, а над левой стороной, главенствуя, воссядет Сновидению подобный Алый Хонгор. И тогда в четырех сторонах находящиеся сорок стран власти своей подчинят они, чем прославятся в мире, и будут о них говорить, что это славного Джангара Ара Бумбайская страна.

Заключение

Изучение структуры сюжета «О том, как славный Джангар впервые сразился с Саналом» в его фабульном изложении (экспозиция, мотивировка, завязка, кульминация, развязка) позволяет сделать вывод о типологическом единстве композиционной структуры со сказочно-эпическими сюжетами о героических коллизиях калмыцкой и синьцзян-ойратской эпической традиций. Сравнительно-типологическое рассмотрение структурных элементов сюжета (эпических ситуаций, событий и мотивов) на содержательном и семантическом уровне выявило ряд следующих закономерностей:

- экспозиция типологически сходна с зачинами эпических сказаний монгольских народов и калмыцкой богатырской сказкой, в которых событийное время профанно и совпадает с биографическим временем (молодостью героя), а эпическое пространство гиперболизировано и архаично (восемь тысяч восемьсот миров);
- мотивировка и завязка в сюжете выражены типовыми эпическими ситуациями, характерными для сказки и эпоса, где героям свойственно поведение с соблюдением определённых эпических канонов – наблюдение за приближающимся богатырем, принятие боевого настроя, соблюдение ритуала приветствия при встрече;
- кульминация сюжета, заключенная в центральном событии героического эпоса – богатырском поединке, состоящем из разных этапов, на каждом из которых обнаруживаются типологические параллели с калмыцким эпосом;
- развязка, нехарактерная для сюжетов о воинских коллизиях, обусловлена спецификой повествования, рассказывающего о более ранних временах, когда между будущим сюзереном и его богатырями-вассалами шло противостояние. В развязке обнаруживаются прямые типологические схождения эпизодов и мотивов с калмыцким эпосом.

Значительные типологические схождения сюжета синьцзян-ойратской версии с калмыцким эпосом и богатырской сказкой отмечены как на сюжетно-композиционном уровне, так и на

содержательном уровне (повествовательные сюжетные элементы, эпические ситуации, мотивы и формулы), что дает основание говорить о генетических корнях, восходящих к монгольским эпическим традициям.

Литература

1. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов (устные и литературные традиции). – Москва : Наука, 1984. – 310 с.
2. Монголо-ойратский героический эпос / перевод, вступительная статья и примечания Б. Я. Владимирцова. – Петербург–Москва : Гос. изд-во, 1923. – 254 с.
3. Михайлов Г. И. Проблемы фольклора монгольских народов. – Элиста : КНИИЯЛИ, 1971. – 235 с.
4. Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. – Москва : Восточная литература, 1992. – 320 с.
5. Овалов Э. Б. Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов (опыт сравнительно-типологического исследования). – Элиста : ЗАОр «НПП «Джангар», 2004. – 183 с.
6. Борджанова Т. Г., Манджиева Б. Б. Эпический репертуар калмыцкого сказителя Дава Шавалиева // Этнопоэтика и традиция. К 70-летию члена-корреспондента РАН Виктора Михайловича Гацака : сборник научных трудов / ответственный редактор В. А. Бахтина. – Москва : Наука, 2004. – С. 83–93.
7. Убушиева Д. В. Мотивы «тууль-улигера» (архаического эпоса) в героическом эпосе «Джангар» // Новый филологический вестник. – 2019. – № 1. – С. 57–69.
8. Убушиева Д. В. Мотив смеха и плача в калмыцком фольклоре // Новый филологический вестник. – 2021. – № 4. – С. 382–399.
9. Биткеев Н. Ц. Калмыцкий героический эпос «Джангар»: проблемы типологии национальных версий. – Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1990. – 155 с.
10. Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий) / ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. – Ростов-на-Дону : Изд-во СК НЦ ВШ, 2006. – 256 с.
11. Селеева Ц. Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». – Элиста : КИГИ РАН, 2013. – 276 с.
12. Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. В 3 томах. Т. 1 / ответственный редактор Н. Г. Очирова. – Элиста : АПП «Джангар», 2005. – 856 с. (На калмыцком яз.)
13. Джангар. Калмыцкий героический эпос / составление, подготовка текстов, комментарии и словарь Н. Ц. Биткеева, Э. Б. Овалова, Ц. К. Корсункиева, А. В. Кудиярова, Н. Б. Сангаджиевой. – Москва : Наука, 1990. – 475 с. (На калмыцком и рус. яз.)
14. Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. – Москва : Форум, 2015. – 214 с.
15. Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1999. – 288 с.
16. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – Москва : Восточная литература, 2004. – 462 с.

References

1. Neklyudov S. Yu. Heroic epic of Mongolian peoples (oral and literary traditions). Moscow, Nauka Publ., 1984, 310 p. (In Rus.)
2. Mongol-Oirat heroic epic. Translation, introductory article and notes by B. Ya. Vladimirtsov. Petersburg–Moscow, State Publ. House, 1923, 254 p. (In Rus.)
3. Mikhailov G. I. Problems of Mongolian folklore. Elista, KRILLH Publ., 1971, 235 p. (In Rus.)
4. Kichikov A. Sh. Heroic epic “Jangar”. Comparative-typological study of the monument. Moscow, Oriental literature Publ., 1992, 320 p. (In Rus.)
5. Ovalov E. B. Typology of motifs and plots in the epic of Mongolian peoples (experience of comparative-typological research). Elista, People’s Printing Enterprise “Jangar”, 2004, 183 p. (In Rus.)

6. Borjanova T. G., Mandzhieva B. B. Epic repertoire of the Kalmyk narrator Dava Shavaliyev. In: Ethnopoetics and tradition. On the 70th anniversary of Viktor Gatsak, corresponding member of the Russian Academy of Sciences: a collection of scientific papers. Edited by V. A. Bakhtina. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 83–93. (In Rus.)
7. Ubushieva D. V. Motifs of “tuul-uliger” (archaic epic) in the heroic epic “Jangar”. *The New philological bulletin*. 2019, no. 1, pp. 57–69. (In Rus.)
8. Ubushieva D. V. Motif of laughter and crying in the Kalmyk folklore. *The New philological bulletin*. 2021, no. 4, pp. 382–399. (In Rus.)
9. Bitkeev N. Ts. Kalmyk heroic epic “Jangar”: problems of typology of national versions. Elista, Kalmyk Book Publ. House, 1990, 155 p. (In Rus.)
10. Khabunova E. E. Heroic epic “Jangar”: poetic constants of the bogatyr life cycle (comparative study of national versions). Edited by G. C. Pyurbeyev. Rostov-on-Don, North Caucasian Centre of Science of the Higher School Publ., 2006, 256 p. (In Rus.)
11. Seleva Ts. B. Index of themes of the Kalmyk and Xinjiang-Oirat versions of the epic “Jangar”. Elista, KIH RAS Publ., 2013, 276 p. (In Rus.)
12. Jangar. Heroic epic of the Xinjiang Oirat-Mongols. In 3 volumes. Vol. 1. Edited by N. G. Ochirova. Elista, Joint Stock Printing Enterprise “Jangar”, 2005, 856 p. (In Kalmyk)
13. Jangar. Kalmyk heroic epic. Compilation, text preparation, commentary and dictionary by N. Ts. Bitkeev, E. B. Ovalov, Ts. K. Korsunkiev, A. V. Kudiyarov, N. B. Sangadzhieva. Moscow, Nauka Publ., 1990, 475 p. (In Kalmyk and Rus.)
14. Neklyudov S. Yu. Poetics of epic narrative: space and time. Moscow, Forum Publ., 2015, 214 p. (In Rus.)
15. Putilov B. N. Excursions into the theory and history of Slavic epic. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1999, 288 p. (In Rus.)
16. Meletinsky E. M. Origin of heroic epic. Early forms and archaic monuments. Moscow, Oriental literature Publ., 2004, 462 p. (In Rus.)